
СОДЕРЖАНИЕ

<i>Святослав Логинов</i>	
Муромцы	5
<i>Елена Щетинина</i>	
Сырость, валежник, песок и — пряности	22
<i>Владимир Слабинский</i>	
Любовь побеждает все	51
<i>Наталья Резанова</i>	
Испытательный срок	64
<i>Дмитрий Лопухов</i>	
Вселенский аргонавт	104
<i>Евгений Лукин</i>	
Хвостикюлятор	115
<i>Максим Тихомиров</i>	
Добрые вести из Ютакана	128
<i>Дарья Зарубина</i>	
Стеклянные горлышки	153
<i>Далия Трускиновская</i>	
Картель	168
<i>Алекс де Клемешье</i>	
Въё возраст	188
<i>Михаил Савеличев</i>	
Парабола земного тяготения	213
<i>Сергей Шипилов</i>	
Тихое небо	266
<i>Сергей Лукьяненко</i>	
Комендант Голливуда	291
<i>Кирилл Бенедиктов</i>	
Зомбилэнд	325

Святослав Логинов
МУРОМЦЫ

— **М**алой, квасу подай! Печь жаркая, спасу нет. Изнылся весь, до чего пить охота, а тебя где-то нечистая таскает, не дозовешься.

— На кипень бегал за водой, а то и квас затворять не на чем будет. У нас так: часом с квасом, а порой и с водой. А кадлушка с квасом, вона, на лавке стоит. Мог бы и сам дотянуться.

— Я те покажу — сам! Мне с печи слезать не можно, я должен силу богатырскую копить.

Илюшка вздохнул и сказал согласно:

— Давай, копи. Только кто тебя завтра кормить будет? Мне на пахоту пора. Овес ко времени не посеешь — без киселя останешься.

— Ильяна сготовит и подаст. А ты, смотри, Сивку в работу не запрягай. Испортишь мне коня богатырского, я с тебя голову сниму.

— А на чем орать прикажешь? На сохатом?..

— Да хоть на медведях. Включи сметку мужицкую, а меня оставь в покое. — Ильяш повернулся на бок, укрылся для пушего тепла тулупом и захрапел.

* * *

На пахоту Илюшка взял запретного Сивку. Коняшка добрый, работы не боится, а от овсеца не прочь. Ранняя пахота по непросохшей земле — дело непростое, но именно

так сеют овес — хоть в воду, но в пору. Когда ноги вязнут, а плужок норовит свернуться набок, по сторонам не поглядишь. Недаром пашню под овес некоторые предпочитают орать не плугом, а сошкой. Внимание привлек крик. Илюшка отер локтем пот со лба и прислушался, а заодно и присмотрелся. К нему, сидя охлюпкой на молодой лошадке, приближалась Ильяна.

— Идут! Идут! — кричала она.

Кто может идти в нашу глухомань? За последние шесть с лишним тысяч лет, то есть с самого сотворения мира, сюда не забредал ни единый коробейник.

— Кто они и что им надо? — спросил Илюшка.

— Бутсерманы идут, повоевать нас хотят!

— Они что, умом повредились? Весь свет знает, что на нас нападать не след. Деревня наша богатырская, кого угодно побить можем.

— Была богатырская, а стала заболотная.

— Скажешь тоже, — возразил Илюшка. — По всем царствам слух идет, как наш Илья у них витийствовал.

— Так это когда было.

— Вот с тех пор и боятся. А что болота у нас топкие, так это чтобы вражки лазутчики к нам не шастали.

— Но как проползет хоть один гаденыш, он своим ханам и бекам донесет, что у нас от всего богатырства только имена остались. В какой семье мальчишечка ни родится, его тотчас Ильей называют.

— Девочек, порой, тоже, — подначил Илюшка.

— И девочек тоже, — согласилась Ильяна. — А толку никакого. Илюшек полно лукошко, только богатырей не видно. Разве что Илюнька у нас богатырь. Ему мамка жёванку сунет, так он ее мутузит, ажно страшно смотреть.

— Илюнька — это сила, тут против слова не скажешь, только когда он в возраст войдет? Если сказки не врут, то настоящий Илья Муромец тридцать лет на печи сиднем

сидел. А в наше время Ильяш сколько с печки не слезает? — лет десять, чуть больше. Но силы могучей в нем не заметно.

— Зато гонору у него, что у петуха в курятнике. Требует, чтобы его просто Ильею называли, как старого Муромца. А попробуй сказать: Ильяш — так он разорется, может и кочерыжкой запустить.

— Откуда у него кочерыжка?

— Я же и даю. Я капусту в щи шинкую, а кочерыгу Ильяше отдаю, пусть погрызет. Ему нравится.

— Хоть что-то Ильяш делает в охотку. А ты заметила, враги на нас идут, а мы стоим и лясы точим.

— Когда еще они к нам доберутся... Их войско сейчас через Нежинскую топь гать стелет. Дня три проваландаются, а то и всю неделю.

— Что же, пусть трудятся, а то старая гать вся расцелась, там только свой пройдет, да и то не каждый день, а лишь по будням. А я тем временем овес досею, а опосля мы с прочими Илюхами бутсерманов встречать примемся, чтобы впредь им неповадно было. Ну а ты куда скачешь?

— Я на деревне уже всех предупредила. Бабы и старухи хозяйство ухичивают: что прикопают, что в лес свезут. Девки и молодки стадо отгонят на дальние кулиги, куда дед Ильян телят не гонял. Будут там беречь от насильников не то животину, не то свои животики.

Илюшка усмехнулся понимающе.

— А я, — закончила Ильяна, — как телят на новом месте обустрою, к вам вернусь, бутсерманов в разум приводить.

— Это тебе зачем? Воевать не девичье дело.

— Имя обязывает, — объяснила Ильяна.

На том и порешили.

* * *

Воинство бутсерманов двигалось поперек Нежинской топи. Рядовые реферы шли своим ходом, ведя коней в поводу. Верхом ехал только Хав-бек хан. Обученный конь осторожно переступал по непрочному настилу.

Топь сменилась гнилым мокрым лесом. Чахлые ольшины, высокая колючая трава, никуда не ведущие тропинки, протоптанные дикими кабанами, все в этом лесу говорило, что людям здесь не место. Ко всему привычные реферы шагали, смахивая с лиц налипавшую паутину. Кони, как и прежде, шли в поводу; верхом в таком буреломье не быстрее, а только опасней, того и гляди останешься без глаз.

Кроме самого бека, на коня взгромоздился лишь один воин, который резко выделялся среди низкорослых реферов. Он прибыл из далеких закатных земель, желая, по его словам, сразиться со сказочным муромским силачом, а вернее, сразить его в поединке. Звался иноземный рыцарь Варвар Форд, или, попросту, Вардворд. Долговязая фигура его была сплошь закована в стальные доспехи, а двуручный меч и боевое копье, сгибаясь, тащил измученный оруженосец.

— Не понимаю, как здесь может кто-то жить? — кривил губы Форд. — Тут некого завоевывать, некого побеждать. Такие места могут населять одни свиньи. Пару раз можно сходить на охоту — и все.

Из зарослей ракиты выскользнул лазутчик. Варвар Форд не мог понять, каким образом ханские лазутчики умудрялись пробираться сквозь густотень, где без топора и шагу не сделаешь. Обычные реферы в лазутчики не шли, они не любили мелколесье, предпочитая степи. Разведчиков поставлял лесной народ, название которого Вардворд не мог ни запомнить, ни выговорить. Что-то вроде гольд-кип-

перов. Впрочем, хватит с них и просто гольдов. А так народец полезный, если не давать ему слишком много воли.

Гольд воздел к небу руки, показывая, что впереди что-то есть.

Казалось бы, спешенные реферы продолжают двигаться, как шли до этого, но внимательный взгляд замечал, что воины подобрались и готовы броситься в бой. Один Варвар Форд продолжал ехать как ни в чем не бывало. Фигура его маячила над кустами и была видна издалека. Конечно, следовало бы спешиться и не привлекать внимание возможного противника, но кто после этого помог бы Форду влезть на коня? Довольно того, что его усаживали верхом, когда кончилась гать.

Ракитник заметно поредел. Здесь, на опушке, он был чуть не нацело вырезан для плетения корзин. Молоденькие березки, пытавшиеся выбежать на сухое, были сведены на веники. Стараниями человека лес кончился, дальше начинался огороженный выгон, покосы, а за ними — пашня, где еще так недавно труждался Илюшка.

На пригорке безо всякого порядка были разбросаны избы, все добротные, под тесовыми крышами. Далее вновь тянулись распаханное поля, обширный луг, ждущий косарей, и за ним — снова лес, но уже не гнилое неудобье, как внизу, а настоящая дубрава, так что, глядя на нее, отчаянно захотелось бросить щит, копье и предаться благородному искусству охоты.

Совсем далеко виднелась голая вершина холма. Неизвестно, находилось ли что на ней, но глазам то было недоступно. Во всяком случае, ничего похожего на крепость, хотя бы огражденную земляным валом, там не было.

«На холме замок поставлю каменный, — размышлял Вардворд, — донжон на четыре разряда, чтобы местность обозревать. Титул получу: маркграф Муромский. Кнехтов найму, пообещаю им дворянские усадьбы; земля тут, по

всему судя, отличная, а местное мужичье пускай на меня работает. Вот только что делать с косоглазыми? Сегодня они воюют за меня, а потом начнут мешать. От таких союзников придется избавляться».

Вардворд встопорщил усы, скрытые под забралом. Что еще делать, когда не бутсерманы служат будущему маркграфу, а он поступил на службу Хав-беку? Покуда приходится ждать и терпеть.

По рядам неслышно прокатился приказ: «Дома не жечь!»

Оно и понятно, гнус зверски изгрыз бусерманские тела, и очень хотелось хотя бы ближайшую ночь провести под крышей, куда мошка не пробирается.

Единым движением пешие воины взлетели в седло, и конная лава устремилась к беззащитной деревне.

* * *

— Как можно туже натягивай, да смотри, чтобы не треснуло, а то я тебе так тресну, надолго запомнишь.

— У меня не треснет. Это полозья для саней, я каждую сам выпаривал и скобелем проходил. Такие лаги не трескаются.

— Ага. Дуги гнет, не парит, ломает — не тужит.

Полозья для недоделанных саней были намертво закреплены между стволами двух неохватных дубов. Плотной свитая конопляная веревка с палец толщиной служила тетивой небывалому луку. Натянуть это сооружение руками не было никакой возможности. Не управился и послушный Сивка. Тогда ему поручили вращать колесо, снятое с канатного двора. Илейка, даром что малой, водил коня под уздцы. Окончательную доводку натяга предполагалось делать вручную.

— В просак не суйся! — покрикивала на коновода Ильяна. — Не ровен час, сыграет тетива, будешь до самой деревни лететь, до мамкиного дома.

В мирное время Ильяну на канатный двор посылали, бечевки крутить. Уж она знает, что приключается, если человек в просак попадет.

Из чащи выбрался дядя Ильяк, деревенский кузнец. Сейчас кузня стояла потушенная, и кузнец плотничал. Скинул с плеча охапку оструганных заготовок для стрел, каждую с добрую оглоблю. Подошел к готовому стреломету, пощелкал пальцем по туго натянутой бечевке. Веревка не задрожала, никакого отклика не было, словно по кирпичной стене щелкал.

— Дельно, — сказал Ильяк.

— Дядя Ильяк, — спросил Илюха, — как у нас со снарядом для лука? Хватит на хороший бой?

— Деревяшек настругано довольно. Девчата в лесу на стрелы оперение клеят. Лучшее перо — сорочье, но и воронье неплохо. Теперь птахи не скоро от войны оправятся. А вот наконечников стальных успел наковать шиш да маленько.

— Ничего, такой жердиной даже без копьеца можно человека ухайдохать.

Ильяк вышел на самую опушку и, укрывшись за крайним деревом, из-под руки оглядел деревню и окрестные поля.

— Что ж они в кустах хоронятся?

— Где? — спросил Илюха, бывший у лучников за старшего.

— Вона, идол железный торчит, слепой не проморгает. Остальные прячутся, но если присмотреться, то и они обозначатся.

— Теперь вижу. Ладно, пусть стоят на здоровычко. Может, у них от гнуса заговор особый имеется.

— А что, дотуда твой самострел достанет?

— Достать-то достанет, но прицела нормального не будет. Пусть ближе подойдут. Ильяна, постой тут малость, пригляди за гостями.

Долго приглядывать не пришлось. Косматые всадники выплеснулись из-под защиты кустов и понеслись к деревне. Железный рыцарь, опустив копье, потрусил за ними следом.

— Заронят огонь, — простонал Ильяк, — никого живым не выпущу.

Обошлось без огня. Всадники, спешившись, разбежались по избам, но вскоре появились вновь, ничем не обогатившись. Лишь двое, ухватив под мышки, волокли пленника.

— Это же Ильяш! — ахнула Ильяна. — Забыли парня!

— Я его упреждал! — крикнул Илюшка.

— Тихо! — зашипел Илюха. — Разоретесь, враги услышат. Накладывайте стрелу, пока они болванчиками стоят!

Сивку отпрягли, Илюшка, Ильян и Илейка в шесть рук принялись вращать колесо, до невозможности натягивая тетиву. Ильяна с малой кияночкой в руке полезла под самый арбалет, подбивать клин, чуть заметно приподнимающий стрелу. Ильяна, конечно, девушка, но глазки у нее острые, никто лучше Ильянки прицелиться не умеет.

— Стреляй! — прозвучал приказ.

Илюха взмахнул кияной, с одного удара выбив запор в основании стрелы. Басово думкнула тетива, стрела словно исчезла со станка. Муромцы, крепко усвоившие требование тишины, беззвучным шепотом закричали: «Ура!»

* * *

— Кто таков? — спросил Хав-бек хан.

Толмач, приведенный беком, переложил вопрос на гавкающий собачий язык муромских жителей.

— Я Ильей зовусь. Муромец я.

— Это и есть знаменитый силач? — Вордвард оглушительно захохотал. — Да он на ногах не стоит!

Вордвард шагнул вперед и резко ткнул железным пальцем в обвисшее брюхо Ильяша. Тот всхрюкнул и повалился набок.

— И что нам с этим прославленным батыром делать? — протянул Хав-бек.

— Я думаю, его следует повесить, — посоветовал Вордвард.

— Нет! — вскинулся Ильяш, порываясь встать.

— Обоснуй, — неясно кому повелел хан.

— Я Илья Муромец, потомок знаменитого богатыря, — заторопился Ильяш и даже приподняться сумел, встав на колени. — Мой прадед тридцать лет с печи не слезал, силушку копил, а ваши обормоты меня с лежанки сдернули, хотя я всего десять лет отбыл. Вели им меня на место вернуть, и тогда я через двадцать лет вам всем покажу, каково на богатыря наезжать!

Хав-бек смеялся, тряся тугим брюхом, которое ничуть не уступало таковому же у Ильяша.

— Ты забавник, — молвил владыка, отсмеявшись. — Тебя можно было бы взять в шуты, если бы тебя ноги держали. А так с тобой возможно поступить двояко. Посему повелеваем: если то, что нам поведал пленник, правда, то он подлежит немедленной смерти. Если же это ложь, в чем мы не сомневаемся, то за обман величества обманщика следует казнить. Теперь послушаем, почему негодяя должно именно повесить, а не, скажем, обезглавить или утопить в болоте.

— Он толст и очень слаб, — объявил Форд Варвар. — У него тонкая шея, она не выдержит веса жирной туши. Когда его повесят, она вытянется, словно у гусака. Полагаю, это будет до невозможности смешно.